

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ДЕМИДОВЫХ

Первая мировая война, которая завершилась для Запада 11 ноября, а для России (советской) -13 ноября 1918 года, для Запада означала слом всей довоенной цивилизации, всех прошлых представлений о нормах взаимоотношений крупных и малых стран. В этот водоворот оказался затянут один из последних Демидовых - посланник России в Греции Елим Павлович Демидов (1862-1947).

В свою должность он вступил в 1913 году накануне 1-й Балканской войны народов полуострова против Турции. Успокоенный заметной ролью в жизни Греции вдовствующей королевы эллинов (официальный титул) Ольги Константиновны, Романовой по происхождению, очарованный лидером греческих либералов Элефтериосом Венизелосом, вдохновленный общенациональным подъемом греков, Демидов благосклонно относился к идее объединения всех земель, населенных греками, в одном государстве. Но еще тогда Демидов открыл для себя психологическую доминанту политического поведения греков: «Человека, поднесшего грекам луну, обвиняют в том, что он не поднес им и солнца, что, впрочем, еще не исключено». Демидов считал, что главные средства борьбы любого народа за национальное освобождение - это «крест, школа и оружие». Карты новых границ балканских государств, направляемые им в российский МИД, Демидов сопровождал указаниями на наличие греческих школ и церквей в каждом населенном пункте.

Демидову с 1914 года все больше приходилось считаться с тем, что король Греции Константин, женатый на сестре германского императора Вильгельма II, относился к России сдержанно. Заметно крепили связи Великобритании с греческими либералами; британскую миссию, направленную для реформирования греческого военно-морского флота, возглавил адмирал Марк Керр (его родственник Арчибальд Керр был послом Великобритании в СССР в годы Великой Отечественной войны). С началом первой мировой войны Россия старалась удержать Болгарию от вступления в войну на стороне Германии и ее союзников. Стремление Демидова любой ценой смягчить греко-болгарские противоречия и последовательно монархические убеждения отдаляли Демидова от греческих либералов - от деловых кругов и интеллигенции. Однако в сентябре 1915 года Болгария вступила в первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии: нанесла удар в тыл сербской армии, после чего вся территория Сербии была оккупирована, а Черногория вышла из войны. В начале октября 1915 года Франция и Великобритания высадили войска в Салониках (Солуни, как любил писать Демидов). Так на территории формально нейтральной Греции возник фронт Первой мировой войны.

В Германии возник раскол: Демидову было трудно понять, как в одной стране могут быть два правительства (одно в Афинах, другое - в Салониках), две армии (королевская и либеральная), как одна страна может быть одновременно и нейтральной, и воюющей. Населению, по мнению Демидова, было уже все равно. 1 мая 1916 года он сообщал в Санкт-Петербург: «Во многих местностях либеральное движение сводится к готовности признавать власть, которая наилучше обеспечит жителям продовольствие».

Только единожды - 20 мая 1916 года - Демидов показал себя человеком совершенно нового типа, предложив «устройство негласной организации, которая... редактировала бы материалы для помещения в различных органах местной печати. Непременным условием... является присылка в Афины особого лица, обладающего достаточным опытом и тактом, которое, не находясь в составе миссии, могло бы негласно руководить пропагандой... Миссия указывала бы советников среди местных людей, которые у нее имеются в виду... Осведомительная деятельность может быть осуществляема... лишь указанной организацией... Возможно при дальнейшем развитии прибегнуть к помощи отдельных

агентов, которые согласились бы работать в нашу пользу в различных местностях Греции». Демидов выступил за оказание Россией материальной помощи грекам - беженцам из Турции.

Демидов отнесся отрицательно к Февральской революции в России. Ему было глубоко безразлично, кто сотрудничал или не сотрудничал с германским генштабом; но то, что новый министр иностранных дел России, лидер кадетской партии историк П.Н. Милюков - давний друг правительства Болгарии, - об этом Демидов знал точно. Знал он и о знаменитой речи Милюкова в Госдуме в 1916 году, в которой рефреном звучал риторический вопрос: «Что это - глупость или измена?» Тогда Демидов записал: «От неразумной политики до предательской расстояние большое». Он, конечно, вовсе не считал Россию «страной дураков», но - кто знает, кто знает...

В начале июня 1917 года в сообщениях Демидова появляется такое понятие, как «политическая нравственность». В мае по делам службы Демидов был в Салониках. Вероятно, он был в курсе хода процесса сербских политиков над полковником Драгутином Дмитриевичем - организатором убийства Франца-Фердинанда в Сараеве: в 1914 году Дмитриевича сделали героем, а в 1917 году - преступником. В начале июня Демидову стало известно, что послы Великобритании и Франции в России требовали от Временного правительства снять его, Демидова, с должности за «нелояльность». Но Россия готовила свое последнее наступление на Юго-Западном фронте. А в Греции при нажиме войск Антанты король Константин отрекся от престола, страна открыто вступила в войну.

Демидову было непривычно, что в «нормализации», проведенной союзниками в Греции, приняли участие русская стрелковая бригада в батальон другой русской стрелковой бригады в составе французских войск, снятых с Салоникского фронта - как же так: армия «свободной» России - и вдруг участница интервенции! В самой же Греции, сообщал Демидов 2 августа 1917 года, в политической борьбе все больше торжествовал принцип: «Кто не с нами - тот против нас». Демидов ошибался, считая Грецию «страной Востока в полном смысле этого слова», но верно предупреждал об опасности военных диктатур, которые называл «личным режимом». А диктаторские наклонности полковника Метаксаса Демидов предсказал за 20 лет до того, как тот установил в Греции свою диктатуру (1936-1940 гг.).

Октябрьской революции Демидов не принял: он и до марта 1917 года был лично известен Николаю II; «временных» Демидов считал временщиками, а смену власти в России в феврале и октябре 1917 года - результатом вмешательства внешних сил. Демидов был свидетелем всей остроты политической борьбы в небольшой стране с 6-миллионным, преимущественно крестьянским, православным населением. Что же могло быть в 150-миллионной России?

В СССР и РФ вышло много книг, посвященных русской белоэмиграции. Но о русских эмигрантах в Греции они хранят молчание. Ведь некоторые офицеры российского военноморского флота «дослуживали» в греческом. А.С. Новиков-Прибой в романе «Цусима» упомянул мичмана Сакеллари. Но то было в 1905 году. Спустя 35 лет, в 1940 году, контр-адмирал греческого флота Сакеллари командовал тяжелым крейсером «Авероф»... «Русский клуб» в Афинах, чьим сопредседателем был Демидов, жил напряженной жизнью и после марта 1924 года, когда Демидов официально перестал быть послом России в Греции. В 1931 году по просьбе советского полпреда В.П. Потемкина Венизелос настоятельно убеждал Демидова ограничить свою политическую активность. О последних годах его жизни ничего не известно.

Виктор Большаков